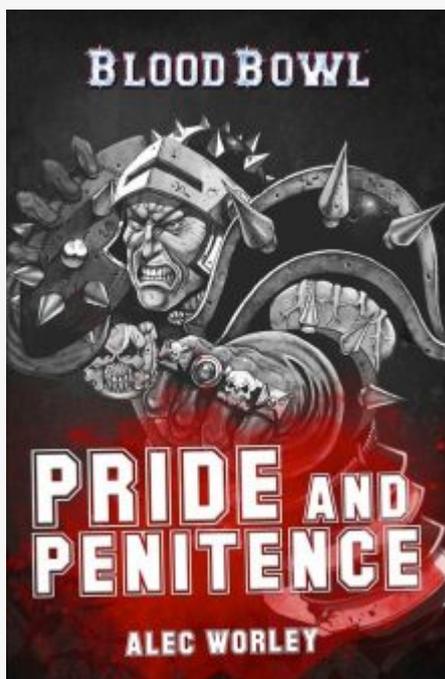

Гордость и убеждения / Pride and Penitence (рассказ)

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

Гордость и убеждения / Pride and Penitence (рассказ)

Автор	Алек Уорли / Alec Worley
Переводчик	соц
Издательство	Black Library
Входит в сборник	Смерть на поле / Death on the Pitch (сборник)
Источник	Смерть на поле / Death on the Pitch (сборник)
Год издания	2017
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Скачать	EPUB , FB2 , MOBI
Поддержать проект	

Аннотация: Финал Кубка праведников, и команда самых отборных праведников... Проигрывает? И кому? Хитрым пройдохам скавенам! Смогут ли крестоносцы убедить своего звездного игрока, что главное в бладбоуле - это победа.

Тренер «Брайт Кусейдерс» Дольф Гутман хмуро уставился на изгрызенные и раскрошенные кости, которые кучей лежали перед ним в тачке. Его молодой, энергичный помощник Томас улыбался так широко, как будто презентовал начальнику поднос с большим праздничным тортом, а не бренными останками их ключевого игрока по имени Ульрих Добродетельный.

— Скавены заявили, что голову получим еще до конца игры, — сообщил юноша. Его широко раскрытые глаза лучились энтузиазмом. — Судя по всему, у крысоогров потрясающе эффективная пищеварительная система.

Дольф раздраженно улыбнулся.

— Давай позже. Мне нужно подбодрить ребят...

Томас пристально оглядел восьмерых уцелевших крестоносцев. Те сидели полукругом и, не отрываясь, смотрели на содержимое тачки, при этом лица у них были такие, будто те соревновались, кто выдаст самую выразительную гримасу ужаса.

Дольф вытолкнул помощника из раздевалки, отпихнул ногой обглоданную бедренную кость подальше с глаз и хлопнул в ладоши, как будто собирался занять целый класс школьников чем-нибудь новеньким. Томас шикнул ему из прохода, и он вздрогнул.

— Простите, тренер, мне положить этого беднягу к остальным?

Для Дольфа злость всегда была чем-то вроде иностранного языка. Но первый же сезон на должности тренера «Брайт Кусейдерс» дал ему достаточно возможностей бегло овладеть им. Впрочем, пока единственным «выражением», которое он освоил, была мерная пульсация жилки на виске и растущая коллекция язв желудка.

— Было бы замечательно, — выговорил Дольф. Он едва держался, и голос его начал дрожать.

Томас скрылся, насвистывая так жизнерадостно, что у Дольфа начал дергаться глаз.

Это жутковатое спокойствие не только заработало Дольфу прозвище «Святой», но и сослужило ему хорошую службу в прошлом, когда он сам был пасующим, и причем, весьма неплохим. Отбегав за «Крусейдерс» восемь безрезультативных лет, Дольф с радостью остался с крестоносцами, знаменитыми своей преданностью идеалам честного спорта, среди которых было и довольно спорное презрительное отношение к жульничеству.

Он внимательно осмотрел остатки любимой команды; те, моргая, глядели на него, словно корзина голубей, которых занимало, как именно повар собирается их подать: зажаренными на вертелах или запеченными в пироге. Может, он загонял их на тренировках? Или слишком запугал важностью матча? Все-таки, это Кубок праведников и первая за несколько лет попытка крестоносцев взять один из главных трофеев, шанс утереть насмешникам носы и доказать, что хорошие ребята хотя бы раз могут прийти первыми.

Начав переделывать свою гримасу в нечто, напоминающее ободряющую улыбку, Дольф вернул внимание игроков обратно к тактическим схемам, которые были начерчены мелом на стоящей рядом доске, и стал намечать игру на вторую половину матча против «Думтаун Рэтс». Он похвалил блицеров за мужественный прорыв линии скавенов, позволивший взять два первых тачдауна, отметил стойкость линейных игроков, сдерживавших постоянный натиск крыс и одобрительно кинул пасующему за то, что тот не слишком громко разревелся после того, как Скрут Кожедер, хищный скавенский крысоогр,

выпотрошил уже третьего игрока «Крусейдерс». Именно та последняя потеря позволила одному из сточных бегунов прошмыгнуть в зачетную зону крестоносцев и за несколько секунд до свистка сделать тачдаун в пользу «Рэтс».

Пытаясь убедить команду, что даже со слабым перевесом в одно очко во второй половине можно будет еще побороться, если сосредоточиться на сильной обороне, Дольф подивился своему кретинскому оптимизму. Впрочем, его увещевания не вызвали ничего, кроме протестов.

— Их двенадцатифутовое^[1] чудовище жрет любого, кто пытается с ним схватиться, — заявил Клаус Откровенный.

— Теперь, когда нас осталось только восемь, — заметил Ханс Неуверенный, — для их сточных бегунов это будет легкая прогулка.

— Ну, хотя бы они не подкупили судью, — вставил Дитер Простодушный.

Дольф толкнул локтем барда, и тот быстрым и воодушевляющим лютневым аккордом уgomонил спорщиков, чтобы Дольф смог вставить слово.

— Эта лучшая игра за весь кубковый сезон, — убедительно и твердо произнес он. — Вы забыли, что мы сделали с теми эльфами? По технике любой из вас стоит двух скавенов. Лично я считаю, что это мы превосходим их числом.

Пальцы барда скакали по струнам лютни, а набирающая темп мелодия взывала к романтике отваги в смутные времена.

— Они слабы, — продолжал Дольф. — Они не такие ловкие, как вы думаете, а их координация хуже некуда. Они не играют, как команда. Мы же выступим единым фронтом, вооружившись благочинностью и верой. Мы без страха встретим невозможное, как делали всегда. Разве мы не чтим священные законы честной игры в этом погрязшем в безумии виде спорта? Не в том ли наш триумф? Не в том ли наша суть?

Сердце тренера воспарило при одном взгляде на согласно кивающих игроков, дружно берущихся за руки. Героическая музыка барда поднимала их дух на священную войну.

Снаружи, в коридоре звякнул колокол, приглашая игроков обеих команд выйти на поле для продолжения игры.

— Кто мы? — властно произнес Дольф.

Игроки уже готовы были прореветь в ответ: «Мы Брайт Кусейдерс!», если бы со своего места не соскочил громадный блицер, на счету которого был первый тачдаун.

Герхардт Кающийся.

Венка на виске у Дольфа начала пульсировать, веки задрожали так, будто пытались убежать с его лица.

— Я так понимаю, тренер Гутман, — начал Герхардт. Лицо его было исполнено такой благодати, словно с ним только что переговорил сам Зигмар. — Вы утверждаете, что у нас незаслуженное преимущество?!

И, прежде, чем Дольф успел его осадить, Герхардт стянул с себя штаны.

Исполнившийся ужаса тренер вместе с остальными взирал на то, как блицер, пытаясь развязать шнурки на ботинках, прыгал на одной ноге по раздевалке, будто полураздетый огр на палке-прыгалке.

Это было не самое странное, что начал творить Кающийся, с тех пор, как в прошлом сезоне стал играть за «Брайт Кусейдерс». Во время отборочных, в матче против «Ателорн Эвенджерс» он поджег себя. Еще был раз, когда он требовал дать ему играть, лежа на доске с гвоздями. Или, когда он извинялся за мастерски проведенный захват против кроксигора, остаток игры пытаясь запинать самого себя в ближайшую зачетную зону.

— Я буду играть без экипировки! — ревел он, скидывая шипованные наплечники и разрывая на себе одежду. — Я не потерплю незаслуженного преимущества, ибо победа, одержанная бесчестно — не победа вовсе!

В интервью журналу «Спайк!» Дольф, не лукавя, назвал появление Герхардта благословением. В дебютном матче против «Хазад Стилсерс» тот сделал четыре тачдауна и был на памяти Дольфа, пожалуй, единственным новичком, который смог слушать угрозы бешеного убийцы троллей, не обмочив штанов. У парня были все задатки, чтобы стать легендой: он был силен, как огр, проворен, как эльф, а боль рассматривал, как любопытную загадку, которую ему когда-нибудь, может быть, удастся разгадать. Однако, вскоре выяснилось, что физическим талантам Герхардта не дают раскрыться его нравственные устои, строгие даже по высочайшим стандартам «Брайт Крусейдерс».

Оказывается, Герхардт когда-то был монахом культа Св. Апологии, хранительницы непорочного благочестия; флагелланты^[2] этой секты верили, что только через покаяние и каждодневные лишения можно достичь подлинного духовного просветления. Монахи прикрывали тела лишь блохами, голод утоляли собственными слезами и спали на постелях из щебня (только когда у них заканчивались ежики).

И вот, Герхардт Кающийся разделся перед своими товарищами и стоял среди разорванной одежды и разбросанной брони, демонстрируя готовность вернуться на поле, щелкнув себя резинкой той крошечной тряпочки, которую пытался выдать за набедренную повязку.

Снаружи снова зазвенел колокол, на этот раз настойчивее.

— Герхардт, — сказал Дольф, дав знак остальным оставаться на местах. — Мы же договорились, что ты больше не станешь совершать акты покаяния во время игры. Не потому ли мы поднялись так высоко в турнирной таблице, что ты сумел удержаться от этого целый сезон?

За спиной Кающегося выросли две знакомые тени. Дольф уже пожалел, что позволил блицеру нанять себе двух «наставников» темных эльфов (на их визитках было указано «Садисты по сходной цене.»), но тот настоял на том, что, раз больше нельзя унижать себя на публике, ему придется как-то поддерживать приемлемый индивидуальный уровень раскаяния. На прошлой неделе во время тренировки они помогли ему закопать себя в землю, да так, что служащему стадиона понадобилось несколько часов, чтобы его отыскать.

— Да, — произнес Герхардт, приходя в возбуждение от шепота темных эльфов. — Я слишком долго воздерживался от епитимьи^[3]. И должен искупить грех гордыни, вызванной нашими прошлыми победами.

Один из линейных принялся хныкать.

Колокол прозвенел в третий раз, и Дольф глубоко вздохнул, постаравшись отогнать фантазию о том, как его собственные руки удушают Герхардта его же набедренной повязкой.

— Вспомни о сестре Бертильде и ее сиротках, — сказал он, схватив стопку писем, приколотых шпилькой к переносному алтарю крестоносцев. Кающийся пришел в недоумение. С тех пор, как он приказал этой парочке темных эльфов разбивать разные вещи себе об голову во время утренней молитвы, он стал очень забывчив.

Дольф пролистывал бумаги, то и дело останавливаясь, чтобы прочесть вслух:

«Дорогой Герхардт, за Вашу помощь мы перед Вами в неоплатном долгу».

Другое письмо: «Вы вдохновляете наших деток. Без Вашей помощи нам пришлось бы продать их колдунам на эксперименты».

И еще одно: «Господин, заклинаем Вас, во имя Шаллии, сделайте все возможное, чтобы помочь команде одержать верх в финале».

Герхардт принялся рассматривать детский рисунок, нацарапанный углем на пергаменте, на котором схематично была нарисованная женщина в монашеской робе со своими крохотными подопечными, чувствовавшими громадную фигуру в шипастой броне, топчущую кучу оторванных конечностей. Блицер повернулся к товарищам в надежде, что те подскажут, что делать дальше.

— Мы дали обет выкупить ее детский дом с призовых, — напомнил Феликс Скромный. — Если победим, уберем ее и сотню сироток от выселения. Именно из-за них ты обещал больше не срывать нам игры!

Лицо Герхардта на миг просветлело от воспоминаний, но затем он нахмурился; Дольф отчаянно надеялся, что из-за какой-то здоровой мысли.

— Ты нужен этим сиротам, Герхардт, — сказал тренер. — Ты нужен *нам*. Твоя сила, а не набожность. Еще только на одну игру.

Игроки уже собрали разбросанную броню Кающегося. Охваченные трепетом, они разом протянули ее ему, подобно туземцам, старающимся умиловить бога вулкана, который только и искал повод что-нибудь расплющить. Герхардт смущенно смотрел на них в ответ.

— Немалой жертвы вы требуете от меня, братья, — сказал он, морща нос при виде их «подношений». — Победы позволили нам достать лучшую броню, которую можно купить за деньги. Когда мы с праведным смирением принимали поражения, мы не одевались так роскошно. Боюсь, это и есть символ нашей гордыни.

Дольф заметил, что игроки переглядываются, наверное, пытаются вспомнить, нет ли в своде этических правил «Крусейдерс» чего-нибудь, что могло оправдать убийство товарища по команде.

— Если я надену эту броню, — закончил Герхардт, — и мы выиграем матч, вы должны поклясться, что мы все вместе совершим акт покаяния. Лишь так мы не уроним достоинства «Брайт Крусейдерс», когда завоюем кубок.

Дольф с остальными чуть не затискали его от облегчения.

— Наффл милосердный, все что угодно! Всё! Только помоги нам победить! — завопил тренер. Игроки согласно закивали.

Улыбка Герхардта превратилась в рев:

— Кто мы?!

Дольф с игроками уже готовы были прогреметь в ответ: «Мы Брайт Кусейдерс!», если бы не раздался настойчивый стук в дверь. Это был Томас.

— Плохая новость: судья грозитя оштрафовать нас, если не поторопимся, — сообщил тот, затем показал мешок, от которого несло хуже, чем от сортира на стадионе. — Хорошая новость: мне удалось вернуть голову Ульриха.

— Хотел бы я стать мухой на стене в раздевалке «Крусейдерс», Джим.

— Боб, я знаю одного колдуна, который может это устроить.

— Я просто хочу знать, как «Кусейдерс» собираются не дать целой команде отборнейших бегунов прорваться сквозь свои линии, когда у них самих только семь с половиной игроков.

— Семь с половиной, Боб? Я насчитал восьмерых. У кого-то не хватает конечности?

— Джим, я говорю о Герхардте Кающемся. Вот уж кто не самый стабильный игрок. Помнишь, как он извинялся за тот тачдаун против «Айрон Таскс», попытавшись отпилить себе ногу?

— Это было давно, Боб. На этом турнире смотреть на него откровенно скучно. Он больше не останавливается посреди матча, чтобы вознести молитву мячу, не покрывает тело пивками и не приковывает себя к камню.

— Но удастся ли ему сосредоточиться как следует и помочь команде дожать соперника? Я к тому, что, а вдруг после этой игры наши мальчишки-зайчики перестанут быть посмешищем.

— Что же, сейчас мы это узнаем, Боб. Игроки вернулись на поле, и среди них Герхардт. Кажется, он вполне сосредоточен. Но кому он там машет на трибунах?

Герхардт едва смог разглядеть сестру Бертильду в кипящем слева от него море болельщиков. Та куталась в скромную серую рясу монашки Шаллии, из-под которой виднелся идеальный овал ее лица, и махала носовым платком. Блицеру подумалось, что она напоминает придворную даму, которая выказывает расположение своему рыцарю, хотя он и понимал, что с той же вероятностью она могла отгонять от себя запах эля и рвоты, которым провоняли трибуны и большая часть болельщиков. За рекламными щитами радостно подпрыгивала вверх-вниз группка ее подопечных сирот, замотанных в рваные шарфы, и со смешными, сдвинутыми на бок гигантскими кепками. Они размахивали костылями и били ложками в миски для баланды.

Впрочем, от вида тех, кого Герхардт поклялся избавить от нужды, на сердце не стало лучше. Весь сезон он боролся с зависимостью от раскаяния, запретив себе подсказывать соперникам тактические ходы крестоносцев и расхваливать их обувь, пока те пинали его. Но совесть донимала блицера, подобно привидению, которому нечем было заняться, и все время требовала каяться и каяться. Если бы тренер Гутман только знал, насколько тот был близок к тому, чтобы в перерыве выстрелить собой из пушки с конфетти.

Герхардт вытер очередную струйку слюны, стекавшую со шлема, и взглянул вверх, в пару светящихся зеленых глаз. Те вперились в него, словно изумрудные огоньки, горящие над сморщенным от ярости

рылом. Омерзительной каланчой мышц, когтей и усов над ним нависал Скрут Кожедер, крысоогр, соштопаный каким-то сумасшедшим скавенским алхимиком для целей, которые лежали за гранью человеческого рассудка. Подобно другим представителям своего зловонного рода, это чудовище смердело так, будто прилагало к этому дополнительные усилия. Грудь его вздымалась от частых и хриплых вздохов, обдававших лицо Кающегося ароматом чего-то среднего между «выгребной ямой» и «такого, что начало дико вонять еще до того, как погожим деньком это нашли мертвым в канаве за портовым трактиром».

Возле этого уroda мощным атакующим порядком выстроились другие скавенские игроки. Крысолюды стояли, согнувшись, будто едва продвинулись по эволюционной лестнице от существ, бегающих по канализации на четвереньках. Их когтистые лапки беспрестанно царапали землю, мордочки подергивались; они были одеты в броню и лохмотья цвета светящейся плесени. Те, что стояли ближе к Скруту, то и дело хихикали, радуясь не только виду своего чудовищно мощного товарища, но отчаянному положению уменьшившегося в численности противника. Чтобы не пожелать им удачи, Герхардту потребовалась вся его выдержка.

Свисток застал блицера врасплох, и мяч под штормовой рев фанатов пролетел над головами игроков на сторону скавенов. А потом это произошло. Это всегда происходило. Пока стадион во все глаза следил за траекторией мяча, кто-нибудь из болельщиков обязательно пытался развязать драку, напасть на судью или пробовал поджечь стадион.

На этот раз один из фанатов «Рэтс» улучил момент, чтобы кинуть что-то в сторону крестоносцев. Когда заходит речь о выборе, что бы такого швырнуть в игрока, поклонники кровавого кубка становятся необычайно изобретательны. Герхардт повидал немало: от гнилых помидоров и перепуганной мелкой живности, до полуросликов продавцов снеди и самых разнообразных самодельных приспособлений, которые, прежде чем взорваться, несколько секунд тикали или шипели. При виде самого обычного камня блицер был почти разочарован.

Снаряд приближался к голове Феликса Скромного медленно, почти лениво, словно был пущен умелой рукой пасующего, однако кетчер крестоносцев был поглощен изучением порядков «Рэтс», явно стараясь прикинуть, как лучше не умереть во второй половине игры. Герхардт не мог вспомнить, как отдал ногам приказ бежать. Знакомое, зудящее чувство всецело охватило его, и, не отводя глаз от несущегося снаряда, он бросился к Феликсу. Весь сезон он вел себя хорошо. Согласился надеть броню. Неужели этого было недостаточно? Тренер Гутман должен был разрешить ему покаяться, хотя бы чуть-чуть, самую капельку. В конце концов, какой-то камешек. Он услышал, как Феликс тревожно вскрикнул, затем, через пару секунд Герхардт отпихнул того в сторону, высоко подпрыгнул и принял камень прямехонько между глаз.

Кающийся поднялся на ноги, помог встать ошарашенному Феликсу, показал всем большие пальцы и, не откладывая дел в долгий ящик, рухнул, как подкошенный. В следующий момент рядом с Герхардтом уже возник говорящий что-то тренер и аптекарь, спрашивающий, сколько пальцев тот видит (что, будем совсем откровенны, было бы затруднительно для Герхардта даже без сотрясения). Блицер растолкал их и потрусил на свою позицию, бормоча что-то про радугу, которая украла у него единорога.

Очередной звук свистка переключил в воспаленном мозгу крысоогра какой-то рубильник — наверное, тот, который за миллисекунду переводил его из состояния «жуткого спокойствия» в «ярость берсерка», и чудовище бросилось на Герхардта, сверкая зелеными глазницами, с ужасающей скоростью молота по воздуху гигантскими когтями и царапая землю. Блицер, все еще стараясь вытрясти гул из ушей, нетвердо попятился назад.

Кающийся оглядел половину поля защищающихся. Скавенский пасующий сграбастал когтями мяч, и его товарищи перешли в атаку, надвигаясь на крестonosцев, подобно бронированной приливной волне. Ему казалось, что эти создания плодятся прямо на бегу, умножаясь перед затуманенным взором Герхардта вдвое, а то и втрое, пока ими не заполнилось все поле.

Крысоогр напал безостановочно, как машина, булькая от усилий и брызгая пеной с зубов; его когти мелькали, в попытках пригвоздить жертву он был, точно кошка, пытающаяся загнать в ловушку мышь, которой не хватило мозгов убежать. Герхардт заметил что-то боковым зрением и, повернувшись, машинально поднял колено точно навстречу скавенскому линейному, который нырнул ему в ноги. Удар превратил крысиную мордочку в кашу со звуком, с которым боевой молот расплющивает корзинку яиц. Булькнув, скавен осел на газон, а на Кающегося обрушилась лапа крысоогра, сделав на его руке длинный порез и отбросив еще дальше назад.

Отодвигаясь с позиции, Герхардт увидел, как штурмкрысы блицеры схватились с парой крепких линейных крестonosцев, а в это время мимо тех прошмыгнули еще два скавена. Слово помойные воды между стеблями травы, «Рэтсы» проникали на половину поля «Крусейдерсов».

Мелькнув в очередной раз, когти крысоогра впились глубоко в землю, и Герхардт решил принять во внимание жгучую боль в руке. Он упер обитый шипами ботинок в лапу чудовища, пригвоздив его кисть к газону. Увидев, что теперь рыло чудовища опустилось в самый раз для удара, Герхардт с маху врезал закованным в латную перчатку кулаком по нижней челюсти, от чего та распахнулась, будто дверь, в которую кто-то только что драматично вошел. Однако крысоогр настолько впал в бешенство, что, не обратив на это внимания, попытался вонзить тошнотворно-желтые резцы в горло Кающегося.

Блицер схватил зубы размером со стамеску возле десен и стиснул их закованными в броню пальцами. Он изо всех сил пытался удержать дергающуюся башку чудовища подальше от себя и не отпускал при этом придавленную ногой лапу. Затем он ощутил, как его тело сдавили еще когти. Он взялся за два длинных пальца прежде, чем крысоогр успел обхватить его полностью, и с хрустом вывернул их, одновременно навалившись всем весом вперед и уткнувшись лицом в жирную, вонючую шерсть чудовища. Шипы на наплечниках глубоко вонзились в брюхо Скрута, от чего тот лишился равновесия и чуть не рухнул на спину. Борясь с извивающимся великаном и чувствуя, как по руке бежит кровь из раны, как напрягается каждый мускул в попытке пересилить жуткую ярость зверя, Герхардт ощутил и укол совести, упрекающей его в том, что он мог бы сделать больше, чтобы дать несчастному крысоогру шанс.

Мимо прошуршал сточный бегун. Кающийся понял, что тот пытается занять место позади него и будет ждать паса. Тем временем, пасующий «Рэтс» стоял на своей половине поля, крепко вцепившись в мяч кривыми и тощими лапами, и принюхивался влево-вправо, пытаясь отыскать самый безопасный путь сквозь линию «Крусейдерс». По обеим сторонам от Герхардта крестonosцы, казалось, тонули в море крысиных тел. Они отбивались от скавенских когтей и зубов, а те отчаянно пытались повалить людей на газон.

Кающийся ощутил, что крысоогр вывернулся из хватки и вырвал когти из-под его ботинка. Он приготовился к новому нападению, но чудовище только рыкнуло на него и ударило лапами по газону, будто разозленная горилла, требующая сказать, кто съел последний банан. Тварь еще силилась сдерживаться, но это был полный провал, так что она бросила вялые попытки и, мгновенно поддавшись звериной натуре, зашипела на болельщиков.

Фанаты крестonosцев зашумели с удвоенной силой, когда Юрген, справедливо прозванный Прямым, прорвался через линию крыс и, словно взбешенный бык, бросился на оставшегося в одиночестве скавена

с мячом. Когда он прыгнул на него, тот просто замер на месте и, подобно мерзкому, покрытому волосами куску мыла, каким-то образом проскользнул у Юргена между рук. Затем скавен отбежал в сторону, дав блицеру исполнить еще более впечатляющий маневр по пропахиванию лицом нескольких ярдов газона.

Кожедер, кажется, совсем забыл, что перед ним стоит Герхардт. Блицер видел, что еще один точный удар по сломанной челюсти, и существо растянется на газоне, но пасующий «Рэтс» уже прошмыгнул к брещи, открывшейся в том месте, где на газоне растянулось несколько крестоносцев.

Герхардт оставил крысоогра рычать на толпу, а сам перемахнул через извивающийся, будто щупальце, хвост и побежал. Он сосредоточился на мяче в лапах скавенского пасующего, воображая, как вырывает его из крысиных лап и передает в руки Феликса Скромного, который сейчас бежал параллельно ему к зачетной зоне «Рэтс».

Скавен увидел их и принялся вилить из стороны сторону, чтобы обмануть несущегося на него метеоритом Герхардта. От скавенских уверток блицера внезапно затошнило, в голове снова стало гудеть, а одна крыса превратилась в трех. Кающийся прищурился, выбрал одну и выхватил у нее мяч.

Он вцепился в расплывающийся овал, вырвал его из лап противника и тут же бросил в подставленные перчатки бегущего рядом кетчера. Феликс сдавлено всхлипнул, дал снаряду отскочить от своих рук, будто это была горячая картошка, и наконец выронил его на газон. У Герхардта плыло перед глазами, он уставился на мяч, слабо пытаясь сообразить, почему судья не дает свисток на потере, и откуда у спортивного инвентаря могли взяться усы и испуганное лицо.

Он обернулся и увидел, как безголовое туловище пасующего крыс сделало еще несколько нетвердых шагов и повалилось на землю, выронив мяч в лапы стоящего рядом сточного бегуна. Герхардт мог поклясться, что гадкое создание подмигнуло ему прежде прошмыгнуть с мячом мимо одинокого линейного крестоносцев прямо к зачетной зоне.

Судья дунул в свисток, и фанаты скавенов взорвались довольным писком, от звуков которого у Герхардта появилось ощущение, что мозг прямо сейчас пережевывают. Экран кабалтрона, установленный над выходом для игроков, заняло изображение бегуна, который кружился в танце, одновременно веселом и пугающем.

Кающийся обхватил руками голову, чтобы стадион перестал вертеться вокруг него, и стал искать глазами сестру Бертильду. Зрение прояснилось, но при виде того, как монашка плачет, уткнувшись в рясу, сердце его упало.

— Вот и сравняли счет, Джим.

— Вот и Герхардт, ему не удалось забрать тот мяч, и он выглядит очень расстроенным. Если биться вот так головой о землю, сотрясение не пройдет.

— Никогда не видел, чтобы «Брайт Крусейдерс» настолько пали духом. Они даже не аплодируют противнику за тачдаун.

— Сомневаюсь, что их шансы на победу в финале сильно вселят в них уверенность, Боб. Крестоносцы, может, и талантливые ребята, но, боюсь, численное преимущество на стороне крыс.

— Кстати, об этом, Джим. Ты знал, что крысолюд может пролезть через отверстие размером с

золотую монету?

— Неужели?

— Ага. Это было доказано Квиквиком Скрюченным из «Скавенблайт Скрэмблерс». Однажды он протиснулся всем телом внутрь блаббульного мяча, и собственными глазами увидел бы, как его имя попало в книгу рекордов, если их крысоогр не решил воспользоваться этим самым мячом для отработки ударов. Хар! Хар! Хар!

Нюхательная соль основательно прочистила Герхардту голову. Он высыпал в рот весь пузырек, и аптекарь как-то грубо с ним обошелся. Но теперь, хотя бы, число оппонентов, которых он видел, соответствовало числу тех, кто действительно находился на поле. Не то чтобы это что-то меняло, ведь скорость и численность оставались на стороне скавенов.

Счет по-прежнему был 2-2, и, пока «Брайт Крусейдерс» заканчивали подготовку к тому, что должно было стать их последним рывком, Герхардт на линии схватки размахивал руками, будто на нем горела одежда. Он пытался сбросить с себя троих скавенов, вцепившихся ему в броню. Двое махали хвостами и удушали его запахом мочи, исходящим от их тел, а еще один возился с ногами, пытаясь подогнуть колени и, наверное, удивляясь, почему Герхардт не падал, как большинство людей, когда подгрызаешь тем сухожилия.

Боль, которую Герхард ощущал, не шла ни в какое сравнение с чувством вины, наполнявшем его сердце. Его ненасытная жажда получить наказание стоила «Крусейдерс» очка, он не сдержал обещания помочь команде выиграть и спасти детский дом сестры Бертильды. До письма монашки, в котором та описывала свое отчаянное положение, Герхардт не мог и подумать, что победа порой бывает важнее смирения. Он никогда прежде не давал себе отчета в том, что его попытки хорошенько воодушевить товарищей актом покаяния команда может воспринимать как-то иначе. Остальные игроки точно ни разу не сделали ничего, чтобы его остановить. Впрочем, тренер как-то раз намекнул ему, что они это просто из вежливости.

Сам Гутман, кажется, принял потерю преимущества вполне благосклонно, разве что его веки стали резко дергаться, как будто играли в пинг-понг. Расставляя игроков обратно по местам, он строго-настрого приказал Герхардту держать позицию на центральной линии и связать столько игроков «Рэтс», сколько получится. Но оказалось, что скавены и сами не прочь были связать Герхардта, навалившись на того, будто выдавшая виды, драная меховая шуба.

Остальные «Крусейдерсы» увязли в непрекращающейся схватке вокруг мяча. Тела людей, закованных в белую броню, сталкивались и сцеплялись плечами с болезненно-зелеными скавенскими телами; обе стороны с рычанием и пыхтением до грязи взрывали ногами забрызганную кровью траву, в попытках выбраться из схватки то тут, то там ударяли шипастые кулаки, и пинали обитые железом ботинки. Крестonosцы встали «клеткой» вокруг несущего мяч Феликса Скромного и упорно пытались продвинуться на сторону нападающих. Однако в бой бросалось все больше крыс, и людей медленно, но верно, оттесняли назад.

От осознания, что именно он в ответе за бедственное положение команды, Герхардт снова ощутил укол вины. Он так давно не каялся и его потребность стала такой острой, что он позабыл все, чему учила сестра Бертильда: тому, что каждое его действие влияет на всю команду. Теперь, чтобы исправить ошибку, вернее всего было довериться тренеру, который запретил ему оставлять позицию (убедившись

при этом, что Герхардт понял, что это не означает приклеить или прибить себя гвоздями к газону).

Герхардта хлестнул по лицу отвратительный розовый хвост. Тот укусил его без лишних раздумий, что, пожалуй, оказалось к лучшему. Один из «Рэтсов» взвизгнул от боли и, будто его ударило током, соскочил с блицера крестоносцев. Кающийся схватил его за загривок и швырнул на землю. Освободив руку, он оторвал от себя второго скавена и огрел им третьего, безостановочно царапавшего ему ноги. Создания неловко пытались подняться на ноги, а, тем временем, Герхардт, задыхаясь, сделал нетвердый шаг назад; впервые за свою спортивную карьеру он задумался, не слишком ли много от теряет крови.

Таймер на кабалтроне отсчитывал последние пять минут второй половины, после которой игра должна была перейти в овертайм до первого очка. Со свежими, агрессивными нападающими проворные скавены без сомнений возьмут верх.

С дружным писком троица крыс запрыгнула обратно на Кающегося. Когда они навалились, тот пригнулся и ощутил, что их шипы, словно лезвия мечей, зазвенели о его бронированные наплечники. Однако ловкие твари нырнули ниже, чем он рассчитывал, и все втроем вцепились ему в ноги. Герхардт с трудом пытался сохранить устойчивое положение, но его ботинок поскользнулся на земляном коме, и блицер упал лицом прямо в грязь. Противники с визгом вскочили на него; двое так сильно прижали наплечники к газону, что даже, если бы третий не прыгал вверх-вниз у него на затылке, Герхардту все равно было бы не подняться. В ноздри, словно черви, полез грунт, а уши заложило от визгливого скавенского смеха.

Взревели трибуны, и избиение прекратилось. Герхардту удалось с чавканьем вытащить голову из грязи и, сморгнув землю с глаз, увидеть, как Юрген Прямой на бегу затоптал одну из штурмкрыс. За ним, опустив голову к груди и вцепившись в мяч, неся Феликс Скромный.

Клетка «Крусейдерс» пробила скавенскую линию, но те как раз на такой случай выставили на своей половине Скрута Кожедера. Герхардт уже видел, как дикое чудовище с отвисшей сломанной челюстью скачет навстречу крестоносцам, взволнованно размахивая лапами, будто не может решить, какой из двух этих упитанных подарочков развернуть первым.

Пока пройдохи скавены силой заставляли Кающегося снова заняться грязью, гоблин судья стоял буквально в паре шагов и делал вид, что рассматривает песочные часы у себя на шее. Герхардт знал, что у Юргена с Феликсом мало шансов против ненасытного крысоогра, и чувство вины давило не него ничуть не легче его брони — брони и троицы крыс, прыгающих на нем, как на батуте. Для того, чтобы помочь своей команде и сестре Бертильде, а также искупить собственные грехи, ему придется нарушить приказ тренера Гутмана и начать думать самому. И вот, подобно искре из огнива, трем парам скавенских лап удалось высечь из кремня его мозга одну идею.

Едва шевелясь внутри собственной брони, Герхардт принялся напрягать мощные мышцы спины и натягивать ремни, которыми крепились наплечники. Когда скавенские лапы в очередной раз опустились на него, он почувствовал, как лопнули пряжки. Мерзкие создания были так сосредоточены на том, чтобы вбить голову блицера в землю, будто это был колышек от палатки, что не заметили, как тот вывернулся из шлема и наплечников. Прежде чем они сообразили, что блицер выбрался из своей брони, полуголый Герхардт решительно вклинился в кучку ошеломленных крыс.

Пока он тащил одну из них по газону, той удалось цапнуть его за ногу и стянуть с Герхардта остатки штанов до самых лодыжек. Игрок похуже споткнулся бы, запутавшись в собственных штанинах, и, подобно срубленному дереву, униженно рухнул бы на землю. Однако Герхардт Кающийся просто

подпрыгнул, скинул с себя в воздухе ботинки и с грацией экзотической танцовщицы, сбрасывающей последнюю вуаль, выскользнул из штанов.

— *Ого, Джим! Кажется, у нас «стрикер»^[4]! Я вижу, что судья просит принести арбалет с транквилизатором.*

— *Это не стрикер, Боб! Это Герхардт! Он выдувает грязь из ноздрей и, как ужаленный, бросается во фланговую зону к своим товарищам!*

Герхардт увидел, как Юрген попытался увильнуть от ныряющего на него сбоку скавена, но тому удалось схватить его за пояс и выбить к трибунам. Толпа орков хулиганов уже подалась вперед, чтобы вцепиться в него, но разочарованно всплеснула руками, когда Юрген врезался в рекламные щиты. Согласно неписанному закону, против которого боялись выступить почти все чиновники кровавого кубка, любой игрок, которого выпихнули с поля к болельщикам, должен был подвергнуться наказанию, до которого те умудрялись додуматься. К счастью для игроков, большая часть фанатов была слишком небольшого ума, чтобы выдать что-нибудь поинтереснее хорошей трепки (впрочем, фанатов Хаоса вполне заслуженно боялись за внушающую трепет изобретательность).

Не смутившись потерей напарника, Феликс продолжил рваться к зачетной зоне «Рэтс», отклонившись опасно близко к находящимся слева трибунам, чтобы не попасться скачущему на него справа крысоогра.

Герхардт не думал, что бежать так быстро было вообще возможно, его голые ноги превратилась в расплывчатое пятно, а расстояние между ним и взбешенным крысоогром, который наконец прыгнул на Феликса, быстро сокращалось. Кетчеру удалось отскочить назад. Чудовище обрушило свой сокрушительный кулак на газон, где тот только что находился, и заставило Феликса отойти назад к рекламным щитам. Орки в предвкушении подались вперед, ну а Скромный, казалось, застыл, замороженный разверстой пастью Скрута.

Герхардт обрушился на Кожедера, ощущая прилив сил от свиста как фанатов, так и освежающего ветра под набедренной повязкой. Его возбуждала мысль о том, как славно будет сойтись с врагом на равных, отбросив все условности. Голая техника против природной ярости, две силы, противопоставленные идеально, как свет и тьма.

Кающийся прыгнул, чем отвлек крысоогра, замахнувшегося уже когтями на беззащитного кетчера с мячом. В светящихся зеленых глазах великана на секунду отметились нечто вроде замешательства, после чего обзор им перекрыл широкий лоб, который под аккомпанемент треска и хруста опустился ему на рыло. Кучка гномов и северян в толпе буквально описались от восторга, придя в экстаз от демонстрации такого шикарного удара головой, идеально выполненного «хазадского поцелуя», раскрошившего чудовищу рыло. Голова крысоогра запрокинулась назад, заставив гигантское тело перевалиться через щиты и вялой грудой осесть возле орочьих ботинок.

Скрут Кожедер исчез в толпе зеленокожих, а Герхардт начал приходить в себя, сделав в уме заметку спросить у аптекаря, стоит ли беспокоиться, что теперь, когда трясешь головой, та звенит, как копилка с монетами. Феликс несся к зачетной зоне «Рэтс», а далеко позади него семенила пара скавенов. Таймер на кабалтроне в это время подмигнул и показал ноль.

Феликс перенес мяч через линию за долю секунды до того, как прозвучал свисток, и стадион взорвался, словно вулкан конфетти. Пушки выстреливали сверкающими вымпелами над головами болельщиков, а

Герхардт смотрел, как на табло цифры переключились на 3-2 в пользу его команды. «Брайт Крусейдерс» и их фанаты пришли в неистовство (что в их случае означало вежливые аплодисменты в адрес проигравшей команды).

Пока огры из службы охраны выводили с поля скавенских игроков, продолжавших угрожающе пищать на судью, Герхардт обшаривал глазами трибуны в поисках сестры Бертильды. Та отчаянно пыталась приструнить своих сироток. Судя по всему, ошалев от поднявшегося гвалта, мальчишки и девчонки присоединились к оркам, накинувшись на упавшего крысоогра, и принялись колотить его своими костылями. Кепки и шарфы попадали с них, обнажив оживленные, радостные лица. Герхардт замешкался, убеждая себя в том, что сироты в самом деле могут быть зеленого цвета. Вероятно, это означало, что они больны или что-нибудь вроде того. Он заинтригованно стал разглядывать их. Видимо, их болезнь вызывала отрастание длинных, заостренных ушей, а также зубов, которые остро поблескивали в те моменты, когда они радостно гоготали. Герхардт рассмеялся про себя. Выглядело так, будто кто-то заплатил банде гоблинов за то, чтобы те переоделись в сирот. Блицер в нерешительности остановился, а эта мысль, словно неприятный запах, повисла у него в голове.

Сестра Бертильда бросилась со всех ног вверх по ступеням к выходу, задрав на ходу одежды и обнажив пару весьма волосатых ляжек. Может, ей отчаянно захотелось в туалет. А может, она забыла взять лекарство для сирот. Герхардт перемахнул через рекламные щиты и бросился по лестнице к ней, чтобы предложить помощь. Хлопающие в ладоши болельщики отводили глаза, пытаясь не смотреть, как возле них вверх по ступеням бежит полуголый блицер. Сестра Бертильда споткнулась, и что-то вывалилось у нее из передней стороны рясы. Глазам Герхардта предстала пара крепких репок. Он попытался убедить себя в том, что она, должно быть, взяла их с собой, чтобы перекусить, но под напором здравого смысла его обычно непрошибаемое невежество вот-вот готово было сдать.

Герхардт поймал удирающую монашку, нырнув ей в ноги и повалив на пол прежде, чем та успела добежать до конца лестницы. Бертильда разразилась тирадой поразительно разнообразных ругательств, и они вместе покатались вниз по ступеням. В конце концов Герхардт приземлился на нее и, откинув одеяния, обнаружил оцепеневшее лицо Томаса, помощника тренера.

— Прости меня, — сказал Дольф, перебираясь через рекламный щит, чтобы встать возле Герхардта у подножия лестницы. — Позволь мне объясниться.

Он заставил себя посмотреть в глаза блицеру, на лице которого было выражение котенка, пытающегося понять, за какой проступок его пытаются скормить минотавру. Болельщики застыли, не донеся до ртов очередной кусок кэтбургера, сотни рук замерли над пакетами с жареными во фритюре тараканьими наггетсами. Напряжение становилось невыносимым.

— Сестра Бертильда... Сиротский приют... — произнес Дольф. Под грузом признания голова его повисла. — Все это была...

— Тренер, вы... Лгали? — перебил его Герхардт.

— Да, все мы.

Дольф обернулся и увидел Феликса Скромного, который присоединился к остальным крестonosцам, стыдливо сбившимся в кучку позади тренера. Томас тихо отошел в сторонку и, разгладив монашеское одеяние, засунул репу обратно по причинам, о которых никто не подумал у него спросить.

— Это был единственный способ, чтобы оградить тебя от... Ну, от самого себя, — начал Феликс. Его голос внезапно отозвался эхом из стоящего рядом кабалтрона — гoblin оператор кабалвидения с довольной мордочкой транслировал командную исповедь на весь стадион.

Ошарашенный блицер сел на ступени.

— Герхардт, ты звезда «Брайт Крусейдерс», самый благородный из всех нас, — продолжал Дольф, подходя к нему и едва не плача. — Ты самый сияющий из «Сияющих Крестоносцев», но из-за тебя мы проигрываем игру за игрой. Разумеется, порой победа должна быть важнее благочестия. Иначе зачем вообще играть?

Герхардт уставился на Дольфа, словно тот лопотал что-то на непонятном языке. Выражение лица обманутого блицера вызвало в душе тренера колоссальное чувство стыда. Дольф гордился своей безупречной карьерой. За восемь лет, пока он сам был игроком, каждое поражение он встречал со сбивающим с толку благородством, его выдержка не знала границ, и никому даже в голову не пришло бы поставить под сомнение вдохновляющую сердца легенду о Дольфе Гутмане по прозвищу Святой. Теперь же, чтобы опорочить все его наследие, хватило всего одной лжи.

Опустившуюся на стадион тишину нарушил раздраженный голос гоблина судьи.

— Вы не нарушили ни одного правила, если что, — произнес он, протискиваясь между ног игроков. — Короче, вам нужен этот дурацкий кубок или нет?

Дольф ощутил на себе взгляд сотен глаз. Фанаты крестоносцев сердито поглядывали на него, многие были в таком бешенстве, что, казалось, вот-вот сорвутся писать ему очень, очень строгие письма. Остальные игроки уставились себе в ноги, будто на похоронах. Герхардт взирал на тренера снизу-вверх с по-детски искренней надеждой.

Дольф протяжно и меланхолично вздохнул, затем повернулся и обратился к зрителям.

— Победа, одержанная бесчестно, не победа вовсе, — сказал он, прежде чем обернуться к игрокам. — Кто мы?

С тем немногим энтузиазмом, который сумели наскрести, те выговорили:

— «Брайт Крусейдерс».

Кивнув, Дольф ощутил укол горького удовлетворения.

— Может быть, в следующем году, — сказал он.

Попытку достойно покинуть стадион вместе с командой несколько смазал Герхардт, который с ревом подскочил на ноги и локтем отпихнул тренера к трибунам. Голос блицера, усиленный динамиками кабалтрона, грохотал, будто камнепад.

— Добрые люди, — гремел он, и от каждого его слова дрожали трибуны. — Кодекс «Брайт Крусейдерс» не был нарушен!

— Но мы врали тебе, Герхардт, — запротестовал Дольф, выбираясь из-под ног болельщиков. — Не так мы выигрываем.

Герхардт не обращал на него внимания и вместо этого, перегнувшись через рекламные щиты, орал в

каму. Картинку на кабалтроне заняло брызжущее слюной по ту сторону экрана лицо.

— В перерыве команда дала мне обещание, — заявил он. — Они поклялись присоединиться ко мне в акте покаяния, посредством которого мы сохраним достоинство «Брайт Крусейдерс» после победы.

Он обернулся к своим товарищам.

— Разве это не так? Разве вы не поклялись?

Игроки закивали, и, сообразив, что до сих пор не знают, на что согласились, стали обмениваться испуганными взглядами.

Герхардт продолжил:

— В таком случае, я могу заверить всех вас, что победа была одержана нами заслуженно, добродетель наша не была запятнана, а законы доблести и чести не были нарушены! В том я, Герхардт Кающийся, самый сияющий из «Сияющих Крестоносцев», клянусь!

Болельщики всепрощающе разразились аплодисментами, а Герхардт бросился обнимать тренера, который в свою очередь неожиданно обнаружил, что пытается высунуть голову из ложбинки между грудными мышцами своего игрока. Рукоплескания усилились, а гоблин судья пожал плечами и потопал извещать спортивных чиновников о принятом решении.

— Так... — проговорил Дольф, развернув к блицеру стиснутое двумя мощными мышцами лицо. — Тот акт покаяния, о котором ты говорил...

Герхардт лучезарно улыбнулся ему, и в ту же секунду вокруг шеи тренера обвилась бледная рука, прижавшая ему к носу вонючую тряпку. На мужчину, словно саван, опустилась темнота.

— Итак, Дольф, — начала Астрид Пустячок, полурослик репортер из «КабалВижн Ньюс». — Вы обнажили душу перед тысячами болельщиков и помогли крестоносцам завоевать первый кубок за последние несколько лет. Теперь, когда стадион опустел, и волнение улеглось, вы, кажется, находитесь в медитативном расположении духа.

— Знаете, сезон был очень напряженным, — ответил Дольф. — Каждому пришлось чем-то пожертвовать, но нам удалось одержать верх, не погрешив против наших принципов, так что сейчас у меня прямо гора с плеч свалилась.

Астрид понимающе кивнула и откусила очередной кусок гигантского пирога с мясом.

— Принципы всегда были важны для «Брайт Крусейдерс», — выговорила он, обдав Дольфа крошками. — Однако, даже самые упертые фанаты подвергают сомнению ваше решение — и вашу вменяемость, что тут говорить — позволить Герхардту Кающемуся закопать в землю целую команду!

— Признаться, он поручил закопать нас только по шеи, — сказал Дольф. Сдувая от себя травинки, постоянно щекочущие ему нос, он поглядел вверх на Астрид, которая стала стряхивать крошки со своих косичек. — Я хорошо знаю Герхардта и, полагаю, что он проявил колоссальную выдержку. Но, на самом деле, мы просто делаем то, что крестоносцы делали всегда — одержав победу, мы проявляем смирение. Надеемся, что этот жест вдохновит все блаббульное сообщество.

Астрид изо всех сил постаралась не рассмеяться.

— А вы твердо верите в достижение невозможного, определенно, — заявила она. — Но поговаривают, что целый месяц может истощить терпение даже Дольфа Гутмана Святого.

— Простите, месяц чего?

— Месяц по шею в земле.

— Месяц?! — завопила еще одна голова откуда-то дальше по линии схватки. — Я на это не подписывался!

— Астрид, покорно прошу прощения, — проговорил Дольф, стараясь не терять самообладания, пока очередное беспозвоночное пыталось найти пристанище у него в штанах. — Скажите, а Герхард где-то рядом?

— Он закопан прямо позади вас, — ответила та. — Он вниз головой, но все слышит. Смотрите, как он болтает ногами.

— Ах, вот как. — Дольф стиснул зубы так сильно, что стало слышно, как они трещат.

Кто-то крикнул:

— С меня хватит! Я пошел! Плевать на все! Выкопайте меня отсюда сейчас же!

Астрид помедлила.

— Наставники Герхардта сказали нам, что у них четкие инструкции: вас отпустят не раньше, чем стадион откроется снова. И еще у них арбалеты, большие такие и страшные.

На глазах ужаснувшегося Дольфа один из темных эльфов проскользнул к Астрид и шепнул что-то ей на ухо.

Та кивнула.

— Они говорят, что волноваться не о чем. Ваш помощник обещал кормить и поить вас. Ой, и служащий стадиона сказал, что как может постарается косить траву, не задевая вас.

— Служащий? — Дольфа едва было слышно среди воплей остальных. — Ты имеешь в виду Вульфа Пьянчугу?

— Тот мужик с двумя глазными повязками? Да, это он, — ответила Астрид. — Гм, тренер Гутман, вы в порядке? Просто у вас дергаются веки. Тренер? Э-эй. Простите, дорогие зрители, кажется, Дольф Гутман Святой больше не с нами. Скорее всего, он размышляет о грядущих победах, которые ждут «Брайт Крусейдерс» в новом сезоне. Астрид Пустячок, «КабалВижн-Ньюс». Снова к вам в студию, Джим.

1. 3,66 м

2. Флагеллант (лат. flagellans — бичующий) — последователь средневековой фанатической религиозной секты, считающей самобичевание средством к спасению души

3. Епитимья (греч. epitimion — наказание) — церковное наказание, состоящее в строгом посте, длительных молитвах, поклонах и т.п.

4. Стрикер (англ. streak — проноситься, мелькать) — юноша или девушка, появляющиеся в общественных местах (на непродолжительное время, обычно бегом) в нагом виде — как форма

протеста против «условностей» общества

Источник —

[https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Гордость_и_убеждения_/Pride_and_Penitence_\(рассказ\)&oldid=19705](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Гордость_и_убеждения_/Pride_and_Penitence_(рассказ)&oldid=19705)

Эта страница в последний раз была отредактирована 19 июня 2022 в 10:39.